

15.02.92

«МНЕ НАДО УЧИТЬСЯ ЗАНОВО ЖИТЬ...»

Израильское гражданство, МХАТ и кино — звенья одной цепи, считает артист Геннадий Хазанов

Павел Крючков

— ЧЕРЕЗ несколько часов вам выйдут на эстраду. Сидящие в зале придут развлекаться или им надо просто отвлечься, как вы думаете?

— Я не вижу большой разницы между этими состояниями. Зрители и раньше ходили отвлекаться, только теперь к старым проблемам прибавились новые. Что касается готовности смеяться, то те, кто придет на концерт, готовы. Я не могу сказать, что изменилось качество смеха.

— Изменилось качество жизни. И вы, как я понимаю, выбрали свой метод выживания.

— Я думаю, что это все на уровне инстинкта. Желание выжить — естественно, для этого существуют разные пути. Кто-то выбирает отъезд из страны в форме долгосрочного или краткосрочного контракта, кто-то эмигрирует насовсем. После получения израильских паспортов мы с женой сели в самолет и улетели в Москву. Выбирая способ выживания, я и не думаю об эмиграции.

— Почему в таком случае вы сделали этот шаг — я имею в виду гражданство — именно сейчас?

— Мне это позволило сделать российский закон, принятый в ноябре прошлого года. Он предполагает право россиянина на наличие второго гражданства. И потом, я считаю, что для меня Израиль — это как для узбека — Узбекистан, а для татарина — Татарстан, понимаете?

— Но все-таки можно сказать, что вы обеспечили себе тылы?

— Нет, я бы так не говорил. А что такое тыл, кстати? Вы сами-то, Павел, что под ним подразумеваете?

— Ну, я не знаю... Наверное, какую-то духовную структуру, в которой мне хорошо.

— По поводу духовной структуры... Сложно говорить, явился ли Израиль для меня тем, что вы имеете в виду, говоря о себе. Это был естественный поступок.

— И даже не символический? — Нет. Естественный и очень продуманный. Я хочу наконец ощутить себя и понять — кто я. Ведь если раньше я был гражданином СССР, то теперь автоматически стал гражданином отдельного государства — России. Началась совершенно новая, по ощущениям, жизнь. Я хочу понять ее.

— То есть теперь, представляя на территории России Государство Израиль, вы сможете легко ответить и на вопрос: откуда я?

— Если не рассматривать свою жизнь как набор каких-то чисто физических действий — выход на сцену, поход в магазин и прочее, — то я вам скажу, что так или иначе человек на Земле должен представлять только самого себя. Я представляю человека, предки которого жили в Израиле, и так уж исторически сложилось, что их потомки оказались здесь, на территории России, я в том числе. Но это никоим образом не должно превращать историческую связь — вот я и обрел, можно сказать, свою вторую половину.

— Но второе гражданство налагает теперь на вас определенные обязанности, хотя, наверное, их можно и не выполнять...

— Безусловно, налагает. Все очень просто: беды и радости моей исторической родины так же близки мне, как беды и радости государства Россия, вот и все.

— Однако согласитесь, что государство состоит из конкретных людей, которые, включая телевизор или приходя к вам на выступление, смотрят на вас теперь под каким-то иным, возможно критическим, углом зрения.

— Я знаю: мол, как только стало трудно жить даже Хазанову, он решил дать «задний ход». Но, во-первых, так думать не все, а во-вторых, болезненность реакции на мой поступок была нам с женой очевидна с самого начала...

— Видите ли, я хорошо знаю, что такое чувство покинутости, так что тем, кто меня любит, тревожиться нечего. Больше того, я теперь как бы присоединяю к себе и ко всем нам тех, кто когда-либо уехал отсюда. Вот так моя имперская амбиция — СССР рухнул, а я присоединил к СССР шестой части суши еще одно государство.

— Вы собираетесь учить язык?

— Обязательно. Все-таки люди, говорящие в Израиле на русском языке, — это для меня не весь Израиль. А потом — мне просто стыдно не знать язык, на котором говорили мои предки.

— А как вы, простите, ощущаете себя в синагоге?

— Не хочу врать — я вырос в атеистическом государстве и в синагоге ощущаю себя так же, как и в мечети или в христианском храме. Но для меня приход туда — это возможность общения с чем-то более мудрым и вечным, чем то, что находится рядом со мной в повседневности.

— И все же: еврейская культура волнует вас сейчас как-то иначе, чем раньше?

— Пока я не могу этого сказать. Дело в том, что пока я чувствую себя человеком, которому надо учиться заново ходить, видеть и так далее. И произошло это вне всякой связи с Государством Израиль. Это и так бы случилось.

— Мы живем в совершенно новой стране — и никогда еще в ней не жили при совершенно новых законах — мы не знали их раньше. У людей постепенно формируется совершенно новое сознание, понимаете мою мысль? Мне тоже надо учиться заново жить. Ведь это не советские граждане в течение лет эмигрировали из СССР, это СССР эмигрировал от советских граждан — страна ушла. Но родилось новое пространство, и мы заново рождаемся вместе с ним. Поэтому когда речь заходит о культуре — еврейской или русской, — мне сказать нечего, потому что я был продуктом советской культуры. Она кончилась, а будущее еще не наступило.

— Вам интересно жить в его ожидании?

— Конечно. Ситуация, в которой мы оказались, не может не быть интересной, хотя и не может не быть такой непредсказуемой и страшной. Но все-таки

я очень жду, куда нас вынесет жизнь.

— Раньше вы жили, по-моему, более стабильно — более защищенно, что ли.

— Да, многие так жили. Только это была какая-то кладбищенская защита: мы знали, что обречены на доживание. А сейчас, при том, что неизвестно, выживем ли мы вообще, я надеюсь на новое, и это, поверьте, активизирует жизненные процессы. В то же время я знаю, что теперь в действие вступает естественный отбор и слабый человек будет испытывать колоссальные сложности.

— Но вы-то не слабый?

— Я не думаю, что мог бы спокойно отнести себя к слабым. Не надо забывать, что мы прошли довольно жесткую советскую школу. Хотя она и была очень благодатной по отношению к паразитам, тем не менее давала возможность в той или иной степени реализовать себя через трудности.

— Теперь вы можете читать со сцены любые тексты. Возникают ли у вас конфликты с авторами?

— Это действительно болезненный процесс, хотя, должен сказать, часто бываю не прав я сам. Моя работа с авторами, текстов не поддается, к сожалению, какому-то микроскопическому анализу. Это — таинство, и фиксация его методом подключения «датчиков», как к спортсмену, обречена на провал.

— Хорошо, тогда скажите, у вас не возникает потребности писать самому, как Жванецкий?

— Вот именно, что нет такой потребности, которая «разрывала» бы меня изнутри. На отсутствие идей пожаловаться грешно... Хотя, знаете, то, что Бог не дал мне способности писать самому, обидно, я страдаю из-за этого. Но зато в этом процессе «пассивного сотворчества» у меня может родиться всего одна фраза, которая даст жизнь всему материалу и обозначит характер героя.

— Значит, вы не хотите жаловаться на плохие материалы?

— Надо просто ужесточить требования к себе и ни на что не «валить», хотя бы по той причине, что актерский примат над материалом — вещь не обсуждаемая. Как только за все двадцать пять лет моего существования на эстраде я начинал «исполнять текст», так тут же терпел фиаско. И дело не в том, смеялись или не смеялись зрители, — они могли смеяться отдаленно от существования актера.

— Я многое в этом смысле понял, когда принял недавно приглашение к игре на театральной сцене. Я прихожу на репетиции в МХАТ и получаю ценнейшие уроки актерского мастерства, я вижу, как слова Гоголя — человека, которого уже 150 лет нет в живых, — не кажутся мне чужими. Это личные переживания моих коллег по сцене. Я смотрю на Евстигнеева или Калаягина, и у меня не возникает в голове вопроса, кто это написал, понимаете?

— Все сказанное могу отнести и к эстрадным артистам, хотя, к великому сожалению, наша профессия умирает — в буквальном и переносном смысле слова. Тут я хочу добрым словом упомянуть дуэт Карцева-Ильченко, который нам уже никогда не увидеть «живьем». Это был один

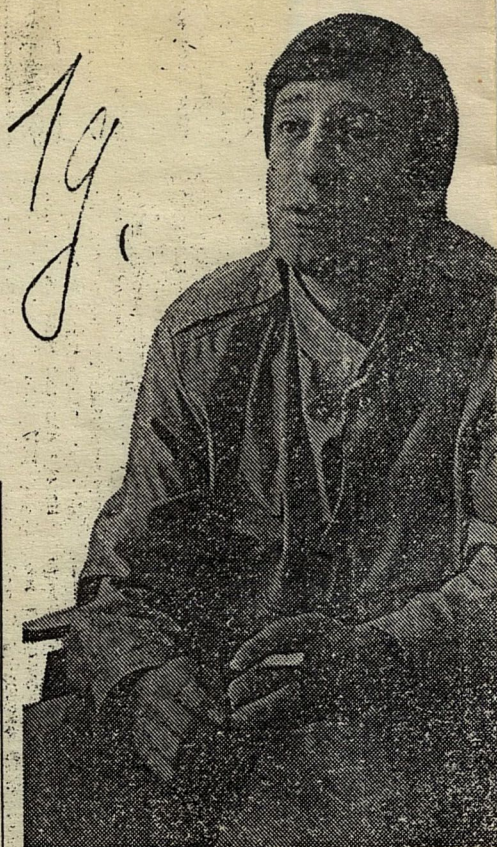

Фото — Новости

из самых последних примеров уникального актерского существования. Когда они вдвоем выходили на эстраду, мне было совершенно неважно, что их текст написал Жванецкий. На моих глазах исполнялось музыкальное произведение, по силе воздействия сразимое только с «Картинками с выставки» Мусоргского.

— Для меня эта пара — самое сильное и революционное явление вообще в нашем жанре... Я увожу в сторону разговор о Райкине, потому что Карцев и Ильченко мне как-то ближе по возрасту и звуку. Они «пробирали» меня насквозь даже тогда, когда не все нравилось, вот этим уникальным способом актерского существования. Посмотрите, что происходит теперь: нет Райкина, покинула эстраду Миронова, умер Ильченко.

— Простите, Геннадий Викторович, но, по-моему, кроме физического ухода некоторых прекрасных артистов, есть и другие причины кризиса.

— Конечно! Наша профессия — дело очень интимное, а когда вы работаете во Дворце спорта, то самое дорогое, что есть в актере, неизбежно «размывается». Зритель сидит в тридцатом ряду десятого сектора; внизу, у микрофона, какой-то человек пытается что-то сыграть... И в действие вступает уже только плотность смешных фраз в одном монологе. Возвращаясь к театру, я не могу представить Евстигнеева в Лужниках — потому что актер требует камерности. И потом — уровень зрительского восприятия в небольшом зале, согласитесь, совсем иной. Ну скажите: кто почувствует пантомимиста во дворце? Да, многие авторы теперь сами читают свои произведения, как Жванецкий, но это, к сожалению, одна из причин

упадка эстрады. Я никого не сужу, но любой, даже самый смешной и острый текст необходимо наполнять актерством. Круг замыкается — попробуйте поиграть в Лужниках...

— А почему Юрский пригласил вас в «Игроки», как вы думаете?

— Ну, это дело его вкуса. Хотя история имеет свое начало: встретившись на вечеру памяти Райкина, я предложил ему сделать для меня спектакль по рассказам Сергея Довлатова, которого мы оба очень любили и любим. Юрский тогда не стал работать со мной по причине занятости, но обещал позвонить: «У меня есть одна идея». И вот на любезно предоставленной Олегом Ефремовым сцене состоялась наша работа. В конце февраля жду премьеру.

— Вы приступали к работе над ролью с легкой душой?

Все-таки вы —

— Комплекс по отношению к такому понятию, как эстрада. Просто у лучших актеров есть рать повзрелу, жет, поэтому о какое-то преемство «эстрадниками»

— Но вас понял, очень хс

— Больше. Но мой комплекс еще долго, даже пойдет, и конча, да, когда между шним и сегодня нется пустого МХАТ для меня ным ликбезом, что как я бы, какому-нибудь ятельно учиться не знаю или только догады

— Больше. Но мой комплекс еще долго, даже пойдет, и конча, да, когда между шним и сегодня нется пустого МХАТ для меня ным ликбезом, что как я бы, какому-нибудь ятельно учиться не знаю или только догады

— То есть?..

— Это состо внить с чело раньше действо рукой или н Даже если зав стно, что он — да не сможет каких-то движе этой же при кино, как толь глашение. А т кончились, и н деле я завершв ей роли.

— Смотрите, торovich: на о участие време произошли три тия. Причем ка несло свежия

— Да, этому и разговоры д ноци, когда мы как найти себя жизни. Все (после первого хотелось позво сказать: «Я б

— Ну, это дело его вкуса. Хотя история имеет свое начало: встретившись на вечеру памяти Райкина, я предложил ему сделать для меня спектакль по рассказам Сергея Довлатова, которого мы оба очень любили и любим. Юрский тогда не стал работать со мной по причине занятости, но обещал позвонить: «У меня есть одна идея». И вот на любезно предоставленной Олегом Ефремовым сцене состоялась наша работа. В конце февраля жду премьеру.

— Вы приступали к работе над ролью с легкой душой?

— Так я же шел в первый какие отметки табель после Но если в фин остаться на «к возражать не б